

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 1 (72)
2026**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лаксельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., Тюменский ун-т;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Хлахула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан);
Зими́на О.Ю., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубеси Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Пинхаси Р., PhD, Венский ун-т (Австрия); Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ун-т Гетеборга (Швеция);
Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН; Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Федоров Р.Ю., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 1 (72)
2026**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology RAS (Moscow, Russia)

Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)

Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)

Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology UB RAS (Chelyabinsk, Russia)

Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology RAS (Moscow, Russia)

Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)

Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology RAS (Moscow, Russia)

Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Omsk, Russia)

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Beisenov A.Z., Candidate of History, Margulan Insntiute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan)

Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)

Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)

Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS
(Saint Petersburg, Russia)

Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)

Pinhasi R., PhD, Professor, University of Vienna (Vienna, Austria)

Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, University Gothenburg (Gothenburg, Sweden)

Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Fedorov R.Yu., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Zimina O.Yu., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>

ЖИЛИЩЕ КРЕСТЬЯН-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ИССЛЕДОВАНИЯХ САНИТАРНО-ГИГИЕНИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ПОСЕЛЕНИЙ СТЕПНОЙ ЗОНЫ ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ (1890–1920-е гг.)

Основная цель исследования состоит в анализе развития жилища крестьян-переселенцев, проживавших в степной зоне на юге Омской области. Источниковой базой исследования послужили результаты трех медицинских экспедиций, посвященных изучению санитарно-гигиенического состояния переселенческих поселений, которые были проведены в 1890–1920-е гг. Выявлены особенности развития жилища у крестьян-переселенцев на обозначенной территории. Установлено, что в рассмотренный период специфика локальных природных ресурсов, связанная с отсутствием древесины, выступала в роли ключевого фактора, который детерминировал принципы развития строительной культуры переселенцев. Таким образом, несмотря на то что исходные строительные традиции у разных групп имели существенные различия, на новом месте у их представителей была возможность развивать лишь схожие строительные технологии. В них доминировали постройки из пластов земли, тогда как саманное строительство только начинало зарождаться. При этом процесс создания жилища преимущественно продолжал опираться на традиционные практические знания и технологии, однако со стороны государства наблюдался последовательный рост интереса к рационализации сельского домостроения и внедрения в него типовых подходов.

Ключевые слова: жилище, домостроительные практики, крестьяне-переселенцы, санитарно-гигиенические условия, Омская область.

Ссылка на публикацию: Федоров Р.Ю. Жилище крестьян-переселенцев в исследованиях санитарно-гигиенического состояния поселений степной зоны Омского Прииртышья (1890–1920-е гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2026. 1. С. 154–161. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2026-72-1-1>

Введение

Для периода масштабных крестьянских переселений в Сибирь во второй половине XIX — начале XX в. характерна высокая степень вариативности путей развития жилища отдельных групп переселенцев, которая была обусловлена как многообразием природно-климатических условий в местах водворения, так и исходными особенностями строительной культуры выходцев из разных регионов Российской империи. На материалах Западной Сибири влияние этих факторов в разное время было исследовано Е.А. Ащепковым [1950], Е.Э. Бломквист [1956], А.Ю. Майничевой [2002] и др. В настоящее время изучение локальных особенностей жилища крестьян-переселенцев в большинстве случаев базируется на результатах полевых исследований, которые включают в себя фиксацию воспоминаний потомков переселенцев и визуальный осмотр сохранившихся построек. В качестве вспомогательных источников также нередко выступают архивные документы, содержащие описание имущества крестьян. Важным видом источников, характеризующих начальный этап адаптации переселенцев, являются описания их быта, сделанные в течение первых десятилетий после их водворения в Сибири. Подобные описания чаще всего можно встретить в литературе конца XIX — начала XX в., связанной с практическими вопросами организации крестьянских переселений. При этом в данный период быт переселенцев в Сибири достаточно редко становился объектом специализированных описаний, сделанных этнографами. Поэтому большую ценность представляют этнографические детали, которые нередко случайно оказались запечатленными исследователями из других областей науки. К таким ценным, но малоизученным источникам можно отнести материалы экспедиций, посвященных проблемам санитарно-гигиенического состояния поселений переселенцев, а также изучению причин заболеваемости в их среде, организованных медицинскими учреждениями и ведомствами. Ранее историко-этнографические аспекты некоторых из этих материалов были подвергнуты анализу В.А. Зверевым [1999, 2011, 2012 и др.], однако многие данные подобных исследований продолжают оставаться вне поля зрения современных этнологов. Основная задача этой статьи состоит в анализе материалов, характеризующих особенности и состояние

жилища крестьян-переселенцев, собранных в результате работы трех медицинских экспедиций, которые были организованы в период с 1897 по 1928 г. в поселениях, расположенных на юге современной Омской области. Во время проведения исследований эти территории первоначально относились к административным рамкам Омского уезда Акмолинской области, а позднее — Омского округа Сибирского края. Пристальное внимание к жилищу в ходе этих экспедиций было обусловлено интересом их участников к таким гигиеническим аспектам быта переселенцев, как объем, проветриваемость, термический режим, влажность и освещенность помещений. Неменьший интерес для врачей представляли имевшиеся в домах условия для гигиены, приема пищи и сна. При этом, помимо оценок санитарно-гигиенического состояния жилища переселенцев, из этих описаний можно почерпнуть множество не встречающихся в других источниках сведений, характеризующих конструктивные детали, а также технологии строительства.

Ранее отдельные аспекты изучения жилища крестьян-переселенцев в степных районах юга Омской области нашли отражение в работах таких исследователей, как А.Д. Колесников [ГИАОО. Ф. 3676, оп. 1, д. 254], М.А. Жигунова [2004], Д.Г. Коровушкин [2006], Ю.С. Новикова, И.В. Чернова [2013], Н.А. Лискевич [2017] и др. В 2022–2023 гг. нами были проведены полевые исследования на территории Одесского района Омской области, в задачи которых входило изучение жилища украинских крестьян-переселенцев [Федоров, 2023]. Материалы, подвергнутые анализу в данной статье, позволили уточнить, а в некоторых случаях — переосмыслить результаты полевых исследований. В связи с этим важно отметить, что в своих работах этнологи часто неосознанно создают своеобразные идеальные обобщающие реконструкции, обращая внимание лишь на традиционные проявления народной культуры и отбрасывая составляющие исключения из них отклонения. В отличие от них, рассмотренные в исследовании публикации и отчеты, представляют собой беспристрастные «временные срезы» состояния культуры жизнеобеспечения и адаптационных процессов у переселенцев. В этом плане сам факт, что полевое исследование проводили врачи, а не этнографы, можно рассматривать как неочевидное преимущество, придающее исследованию непредвзятость и лишаящее его изначальной установки на интерпретацию полевого материала лишь с позиций ценности проявленных в нем этнических традиций.

Хронологические рамки рассмотренных материалов интересны тем, что они охватывают период с первых лет заселения этого района крестьянами до начала коллективизации, которая нарушила ход складывавшихся ранее стратегий адаптации переселенцев. В то же время подвергнутые анализу результаты полевых исследований второй половины 1920-х гг. характеризуют первые, еще достаточно робкие шаги к модернизации крестьянского быта в СССР, которая начиналась с переосмысления этнических традиций с точки зрения идеалов и задач построения коммунистического общества. Использование сравнительно-исторического метода, с привлечением материалов современных полевых исследований, дает возможность оценить характер и динамику последующего развития жилища в исследованных районах с 1930-х гг. до первой четверти XXI в.

Характеристика источниковой базы

До 1896 г. территория современного юга Омской области была официально закрыта для крестьянских переселений. Это было обусловлено как недостаточно благоприятными условиями для земледелия, так и использованием этих степных территорий в кочевом животноводстве казахов [Обозненко, 1898, с. 3]. Таким образом, освоение этого района крестьянами-переселенцами началось только в конце 90-х гг. XIX в., достигло максимальной интенсивности в годы аграрной реформы П.А. Столыпина и продолжилось в советское время до конца 1920-х гг.

Свидетелем самого раннего этапа адаптации переселенцев на территории Омского уезда Акмолинской области стал врач и гигиенист П.Е. Обозненко. В период с 1 сентября 1896 г. по 1 марта 1897 г. во время служебной поездки он вел учет заболеваемости на переселенческих участках Омского уезда. Параллельно было сделано краткое описание типов жилища и особенностей водоснабжения первых поселений переселенцев [Обозненко, 1898]. Среди исследований этого периода также следует упомянуть описание отдельных аспектов влияния жилища «на здоровье и психику переселенца», сделанное в 1901 г. в докладе врача Омского переселенческого пункта Орлова в местном медицинском обществе, фрагменты которого были опубликованы в изданной переселенческим управлением книге «Жилища переселенцев безлесной части Сибири и Степного края» [1902].

В 1907 г. при переселенческом управлении Акмолинского района была создана санитарная организация, в круг задач которой входило изучение экономического положения, санитарных условий, а также заболеваемости переселенцев. Обследование в основном проводилось в западной и южной частях Омского уезда, в поселках, которые были образованы в 1905–1907 гг.

Несмотря на то что организация была упразднена уже в 1908 г., проводивший под ее эгидой обследования переселенческих поселков М.Н. Анастасьев опубликовал результаты в «Вестнике общественной гигиены, судебной и практической медицины» [1909].

В 1927 г. Сибкрайздравом было создано шесть врачебных отрядов, которые провели обследования бытовых условий и санитарно-гигиенического состояния поселений крестьян-переселенцев в восьми округах Сибирского края. Обработка собранных полевых материалов осуществлялась сотрудниками кафедры общей гигиены Омского медицинского института под руководством профессора К.М. Гречищева [Гречищев, 1928, с. 1]. В их числе сохранилось подробное описание с анализом условий проживания переселенцев на юге Омской области, составленное в 1927–1928 гг. заведующим врачебно-обследовательским отрядом, аспирантом кафедры общей гигиены Омского медицинского института М.К. Соколовым. Отчет о результатах исследования на тему «Информация Омского окружного отдела здравоохранения о санитарно-эпидемиологическом состоянии переселенческих населенных пунктов в Омском округе», датированный 1928 г., хранится в Государственном историческом архиве Омской области [ГИАОО. Ф. Р-1228, оп. 1, д. 92]. В 1929 г. на основе этого отчета в Новосибирске была издана книга под названием «Поселки, быт и заболеваемость переселенцев Омского округа» [Соколов, 1929]. Помимо этого, в Государственном историческом архиве Омской области хранится дело «Документы (планы, отчеты, докладные записки, справки, удостоверения, ведомости) о состоянии и перспективах медицинского обслуживания переселенцев в Омском округе», в котором содержится ряд подробных статистических данных, не включенных в отчет [ГИАОО. Ф. Р-1228, оп. 1, д. 95]. При том что жизнь местного сельского населения рассматривается сквозь призму санитарно-гигиенических проблем, все эти работы в той или иной степени содержат описание этнографических деталей, характеризующих особенности жилища переселенцев.

Этнокультурный портрет переселенцев

Для рассмотренного периода характерна трансформация общепринятых подходов к определению этнической принадлежности переселявшихся в Сибирь крестьян. Е.П. Обозненко в первую очередь идентифицировал переселенцев, основавших свои поселения в Омском уезде в период с 1893 по 1896 гг., по губерниям выхода, что было типично для конца XIX в. Среди переселенцев преобладали выходцы из Черниговской, Полтавской и Харьковской губерний, которых автор относил к малороссам. Помимо них заметную долю составляли выходцы из Пензенской и Смоленской губерний, национальность которых не уточнялась [Обозненко, 1898]. Особо была выделена группа немцев из Саратовской и Самарской губерний. В работе М.Н. Анастасьева этническая принадлежность переселенцев не упоминалась.

Исследование М.К. Соколова проводилось в период политики коренизации и вскоре после проведения Всесоюзной переписи населения 1926 г., в ходе которой среди восточнославянского населения СССР помимо русских впервые были выделены национальности «украинец» и «белорус». В тексте отчета бросается в глаза неустойчивость определений, характеризующих этническую принадлежность обследованных групп. К примеру, в разных фрагментах отчета можно встретить определения «украинцы» и «малороссы», что свидетельствует о еще окончательно не утвердившемся в повседневном употреблении первом названии. По отношению к рассмотренным этническим общностям автором чаще всего использовалось определение «национальная группа» [ГИАОО. Ф. Р-1228, оп. 1, д. 92, л. 15].

В составленном М.К. Соколовым отчете отмечалось, что в 16 обследованных поселках преобладало украинское население, в 6 поселках — русские, в 5 поселках — немцы, в 2 поселках — белорусы, в 1 поселке — татары [Там же, л. 2]. В 1920-е гг. места выхода переселенцев во многом совпадали с дореволюционными. Так, среди обследованных переселенцев, прибывших во второй половине 1920-х гг., 46,7 % составляли выходцы с Украины, 24,5 % — из Среднего Поволжья, 8 % — из центральных и западных регионов РСФСР. Говоря о демографических характеристиках переселенцев, следует отметить заметные доли возрастных групп от 25 до 34 лет (14,9 %), от 35 до 44 лет (11,2 %) с незначительной долей лиц более старшего возраста. При этом наиболее значительные группы составляли дети от 5 до 14 лет (24,2 %), а также подростки и молодежь в возрасте от 15 до 24 лет (21,0 %) [Там же, л. 2 об.]. Для русских, украинцев, белорусов и немцев был характерен незначительный перевес мужского населения над женским. Характеризуя исследование М.К. Соколова, необходимо иметь в виду неравномерную репрезентативность данных по рассмотренным в нем этническим группам. Можно говорить о репрезентативности данных по многочисленным группам русских, украинцев и немцев, тогда как данные по незначительным по своему количеству группам белорусов и татар могут быть нетипичными.

Характеристики жилища переселенцев

Места для поселков и их планировка преимущественно определялись переселенческими организациями, однако на практике переселенцы не всегда занимали отведенные им участки. Нередко это было связано с тем, что территории для будущих поселков отводились в низинах, которые регулярно затапливались. По возможности переселенческие участки старались расположить около березовых колков или ракитовых кустов, однако последние чаще всего находились в сырых местах, которые плохо подходили для строительства крестьянских усадеб [Там же, л. 3].

Отсутствие на юге Омской области пригодного для домостроения леса, а также крайне ограниченная доступность древесины лесных складов переселенческого управления предопределили доминирование альтернативных строительных материалов. В силу того что восточнославянское крестьянство всегда предпочитало срубные постройки, такие материалы для строительства, как дерн или саман, в литературе о быте переселенцев часто назывались суррогатными [РГАНТД. 177, оп. 2-1, т. 1, д. 922, л. 168]. П.Е. Обозненко отмечал, что в Омском уезде по состоянию на 1898 г. заметное по масштабам строительство деревянных домов в основном велось в деревнях Городище, Ночки, Инсарка, Украинка и Александровка, получив наибольшее распространение у переселенцев из Пензенской губернии. Однако в большинстве случаев древесина для домов заготавливалась в немногочисленных березовых колках, в которых в основном произрастали маломерные деревья. Всего было выявлено 242 деревянных дома, тогда как остальные 984 строения представляли собой землянки, которые автор сравнивал с зимовками казахов [Обозненко, 1898, с. 13, 19]. Стены таких землянок складывались из четырехугольных кусков дерна, которые накладывались между березовыми бревнами, вбитыми в землю по углам и на месте входной двери. Стены землянок с обеих сторон обмазывались глиной, так же как и их пол и потолок [Там же, с. 12–14]. Обозненко оценивал санитарно-гигиенические условия такого жилища как неудовлетворительные, ввиду того что продукты дыхания скапливаются в порах внутренней обмазки стен и потолка. В зимнее время из-за плохой вентиляции помещений и скопления водяных паров такие дома отличались сыростью и затхлостью воздуха. Как отмечал автор, «на непривычного человека атмосфера этих землянок производит чрезвычайно тягостное впечатление, особенно когда в землянке живет большая семья, а температура, как это часто бывает, достигает до 35 °С» [Там же, с. 14]. Примечательно, что немцы в своих землянках нередко оставляли необмазанным потолок, что, по мнению Обозненко, делало воздух в них гораздо свежее и чище [Там же].

Н.М. Анастасьев обратил внимание на то, что переселенцы часто используют временные жилища на протяжении длительного периода. Чаще всего он составлял 4–6 лет, но в отдельных случаях мог превышать 15 лет [Анастасьев, 1909, с. 1518, 1522]. На момент проведения полевого исследования наиболее распространенными оставались временные жилища, построенные из пластов дерна, которые местные жители называли дерновками или пластанками. При этом автор отмечал, что «в погоне за теплом (при постройке землянок) новоселы углубляются в землю до двух аршин (1,42 м. — Р. Ф.), что при оттаивании почвы делало из землянок естественные стоки для воды, причем место для селения выбиралось низкое, так что каждая землянка являлась до некоторой степени колодезем» [Там же, с. 1524]. Далее Анастасьев, так же как и Обозненко, подчеркивал, что «самое слабое место переселенческого жилища — это выдающаяся, если можно так выразиться, сырость, подобной которой в России мне встречать не приходилось» [Там же, с. 1526]. Наибольшая сырость стен и потолка была выявлена автором в дерновках без ямы, тогда как саманные дома имели ее наименьшие показатели [Там же, с. 1528]. Однако в обследованных автором деревнях доля саманных домов оставалась незначительной и составляла 16 % [Там же, с. 1526]. В соответствии с проведенными измерениями к наиболее теплым видам жилища были отнесены землянки и саманные дома, к наиболее холодным — мазанки [Там же, с. 1531].

М.К. Соколовым в 1927 и 1928 гг. были детально исследованы жилищные условия 203 семей переселенцев, проживавших на территории Омского округа. Помимо этого им была составлена таблица, отражающая распределение видов жилища в 368 семьях, проживавших в 30 поселках (табл.). Из приведенной статистики видно, что во второй половине 1920-х гг. у переселенцев все так же продолжали преобладать дома, построенные из земляных пластов. Более качественные саманные дома, получившие впоследствии наибольшее распространение в исследованных районах, на тот момент лишь незначительно превышали процент, приведенный Анастасьевым. При этом в статистике отсутствовали срубные постройки из привозного строительного леса или местных маломерных лиственных пород. Следует отметить, что в других округах Сибирского края,

расположенных в зоне смешанных лесов и тайги, которые были обследованы Сибкрайздравом в 1927 г., подавляющее число жилых построек было из древесины [Гречищев, 1928, с. 10].

Типы построек и жилищные условия переселенцев *

Types of buildings and living conditions of the settlers

	Живущие на квартире	Имеющие свои постройки	Среди семей, имеющих свои постройки					Всего
			Дома из земляных пластов	Саманные дома	Глинобитные дома	Сараи	Шалаша	
Число семей	63	305	219	57	12	5	12	305
В процентах	20,7	79,3	71,7	18,7	4,0	1,6	4,0	100

* Составлено по: ГИАОО. Ф. Р-1228. Оп. 1. Д. 92. Л. 5.

М.К. Соколовым был сделан вывод о том, что строительные приемы переселенцев в Омском округе формировались независимо от накопленного на родине опыта. Эта ситуация была обусловлена практически полным отсутствием локальных ресурсов строительного леса в степной местности [ГИАОО. Ф. Р-1228, оп. 1, д. 92, л. 5]. В то же время автор отмечал некоторые особенности в деталях домостроительства представителей разных этнических групп, выраженные в площади построек, их отоплении и освещении, а также в предпочтениях в выборе строительных материалов. Большинство саманных домов было построено украинцами. Ими также была построена большая часть глинобитных домов [Там же, л. 5 об.]. Д.К. Зеленин относил саман к одному из традиционных строительных материалов, характерных для проживавших в степной местности украинцев [1991, с. 291]. При этом П.Г. Юрченко отмечал, что при наличии локальных ресурсов строительного леса украинцы предпочитали строить дома из дерева, тогда как в степной местности среди строительных материалов на первое место выходят глина, солома и камыш [1941, с. 7]. Однако среди проживавших на юге Омской области украинских переселенцев были выходцы как из степных, так и из лесных регионов, поэтому далеко не все могли иметь на родине опыт строительства из самана. При этом подавляющее большинство украинцев первоначально сооружали на новом месте дома из дерна. Исходя из этого, сделанное ранее нами [Федоров, 2023] и некоторыми другими исследователями [ГИАОО. Ф. 3676, оп. 1, д. 254, л. 1] предположение о том, что строительство саманных домов было связано с привнесением наиболее подходящего к новым условиям строительного опыта выходцев с Украины и из степных районов России, в свете использованных в исследовании источников потребовало пересмотра и более обстоятельного анализа.

Все исследователи санитарно-гигиенического состояния поселков переселенцев Омского уезда единодушно сходились во мнении, что саман являлся наиболее практичным и гигиеничным строительным материалом. П.Е. Обозненко отмечал: «Что касается до переселенческих жилищ, то в этом случае, как я уже говорил, заслуживает полного внимания и может помочь горю предложение Акмолинского военного губернатора, генерала-лейтенанта Санникова, советуемого саманный кирпич, как наиболее пригодный в этих местах строительный материал. Следовало бы практически ознакомить крестьян с этим материалом и его приготовлением, что, если не ошибаюсь, и делается в Петропавловском уезде, где из него строят приемные покои для врачебных пунктов» [Обозненко, 1898, с. 27]. Н.М. Анастасьев также придерживался мнения о том, что саманные дома с практической и санитарно-гигиенической точки зрения наиболее подходили для обследованных районов [РГАНТД. 177, оп. 2-1, т. 1, д. 922, л. 136]. Таким образом, можно сделать вывод, что в период с 1890-х по 1920-е гг. внедрение саманного строительства на юге Омской области в большинстве случаев было обусловлено не спонтанной реализацией традиционных экологических знаний переселенцев, а целенаправленными мерами государства. На это указывают более ранние примеры внедрения самана в строительство городского жилища. К примеру, в начале 1920-х гг. в Омске активно велось строительство саманного городка для рабочих [ГИАОО. Ф. Р-223, оп. 1, д. 163]. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. в деревнях, расположенных на юге Омской области, по специально разработанным проектам сооружали саманные жилые дома, склады, сараи, свинарники и другие типы хозяйственных построек [ГИАОО. Ф. Р-294, оп. 2, д. 556, 562; Ф. Р-1883, оп. 1, д. 489]. Еще во времена аграрной реформы П.А. Столыпина начали издаваться книги и брошюры, в которых подробно излагались технологии и опыт строительства саманных домов для крестьян. В 1920–1950-е гг. в СССР продолжала активно издаваться литература, посвященная приемам возведения из самана жилых и хозяйственных построек для колхозов и совхозов. Результаты наших полевых исследований указывают на то, что строительство

саманных домов на юге Омской области продолжалось до 1990-х гг. При этом большинство местных жителей называло саман удобным и практичным строительным материалом [Федоров, 2023].

Среди обследованных М.К. Соколовым жилых домов лишь 21,8 % было построено до 1925 г., а остальная часть строилась в период с 1925 по 1928 г. Отмечалось, что строительство большинства домов осуществлялось самими переселенцами или в порядке взаимной отработки (помочей). Наем рабочих для строительных работ за вознаграждение был зафиксирован лишь у 10,8 % семей, однако, как правило, он ограничивался всего несколькими днями. Размер переселенческих усадеб в основном варьировал от 3 до 10 тыс. м² [ГИАОО. Ф. Р-1228, оп. 1, д. 92, л. 3]. В исследованный период большинство домов продолжало строиться без фундамента и имело земляной пол. Крыши построек в основном покрывались дерном. Лишь 6,2 % крыш были покрыты соломой. По числу стен среди обследованных построек 32,6 % составляли четырехстенные дома, 50,8 % — пятистенные, 7,4 % — шестистенные, 9,4 % — четырехстенные сараи и шалаши [Там же, л. 6]. Большой интерес представляют цифры, характеризующие площадь жилых помещений. В 23,8 % построек она не превышала 18 м², в 13,7 % построек колебалась от 18 до 22,5 м², в 19,2 % — от 22,5 до 27 м², в 13,7 % — от 27 до 32 м², в 12,6 % — от 32 до 38,5 м², в 12,1 % — от 38,5 до 45 м² и лишь в 4,4 % — более 54 м². Высота большинства (72,4 %) построек не превышала 2,5 м. В одной комнате проживало 43,1 % семей, в двух комнатах — 49,7 % семей. В среднем в обследованных поселениях на один жилой дом приходилось 5,8 чел. [Там же, л. 6]. При этом наибольший объем на одного человека имели жилища немцев (16,0 м³) и белорусов (13,4 м³), тогда как самая большая скученность наблюдалась в семьях украинских переселенцев (8,1 м³) [Там же, л. 6 об.]. Несмотря на часто упоминаемую недостаточную площадь домов, Соколов отмечал, что, по сравнению с данными Н.М. Анастасьева, обследовавшего жилища переселенцев в 1905–1907 гг., их кубатура увеличилась почти вдвое [Соколов, 1929, с. 18].

Выводы

Рассмотренные материалы наглядно демонстрируют, как в период 1890–1920-х гг. специфика локальных природных ресурсов, связанная с отсутствием древесины, выступала в роли ключевого фактора, который детерминировал принципы развития строительной культуры переселенцев, проживавших в степной зоне Омского Прииртышья. Исходные традиции домостроения у выходцев из разных регионов имели существенные различия, но на новом месте у их представителей была возможность развивать лишь схожие строительные технологии. Среди них в рассмотренный период доминировало строительство жилища из пластов земли, тогда как саманное строительство только начинало зарождаться. При этом можно наблюдать ситуацию, в которой опиравшееся на традиционные технологии строительство из самана нередко активно внедрялось в сельскую жизнь не самими крестьянами, а государством.

В целом, как в дореволюционный, так и в раннесоветский период участники медицинских экспедиций оценивали санитарно-гигиеническое состояние жилищ переселенцев как неудовлетворительное. Все исследователи сходились во мнении, что площадь и кубатура домов переселенцев были недостаточны для обеспечения принятых в то время гигиенических норм. Для большинства домов были характерны сырость, плохая вентиляция и недостаточная освещенность. Причины этой ситуации авторы видели как в отсутствии качественного строительного леса, так и в недостаточных мерах государства по материальной поддержке водворенных переселенцев. Помимо этого, исследователи считали, что государство должно более активно внедрять в этой местности научно обоснованные подходы к строительству типовых домов, направленные на улучшение санитарно-гигиенического состояния крестьянского жилища. Таким образом, можно сделать вывод, что в рассмотренный период строительство жилища крестьян-переселенцев, проживавших в степных районах юга Омской области, преимущественно продолжало опираться на традиционные практические знания и технологии, однако со стороны государства наблюдался последовательный рост интереса к рационализации сельского домостроения и внедрения в него типовых подходов.

Финансирование. Исследование проведено в рамках проекта НИР ТюмНЦ СО РАН № FWRZ-2026-0031.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анастасьев Н.М.* Санитарные очерки жизни переселенцев степной зоны Сибири // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1909, октябрь. С. 1517–1541.
- Ащепков Е.А.* Русское народное зодчество в Западной Сибири. М.: Изд-во Акад. архитектуры СССР, 1950. 137 с.
- Бломквист Е.Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник / Отв. ред. С.А. Токарев. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 3–460.
- Гречищев К.М.* Материалы для характеристики санитарного состояния переселенческих поселков Сибирского края. Новосибирск: Изд. областного краевого отдела здравоохранения, 1928. 32 с.

Федоров Р.Ю.

Жигунова М.А. Этнокультурные процессы и контакты у русских Среднего Прииртышья во второй половине XX века. Омск: Наука, 2004. 228 с.

Жилища переселенцев безлесной части Сибири и Степного края. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1902. 214 с.

Зверев В.А. Крестьянское жилище глазами санитарных врачей и инженеров (Новосибирское Приобье и Бараба, 1920-е гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. № 2. С. 87–91.

Зверев В.А. Материалы массовых санитарных обследований поселений, усадеб и жилищ Сибири в 1920-е годы как историко-культурологический источник // Исторические источники в исследовательской и образовательной практике / Под ред. О.М. Хлытиной, В.А. Зверева. Новосибирск: НГПУ, 2011. С. 53–71.

Зверев В.А. Условия жизни сибиряков и переселенцев в 1920-е гг. (по материалам массовых санитарных обследований) // Преподавание истории и обществознания в школе. 2012. № 8. С. 13–22.

Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. 511 с.

Коровушкин Д.Г. Очерки этнокультурной адаптации поздних переселенцев в Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. 200 с.

Лискевич Н.А. Практика домостроительства коми переселенцев в лесостепной зоне Среднего Прииртышья (конец XIX — первая половина XX в.) // Омские научные чтения: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Омск: ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, 2017. С. 233–235.

Майничева А.Ю. Архитектурно-строительные традиции крестьянства северной части Верхнего Приобья: Проблемы эволюции и контактов. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. 144 с.

Новикова Ю.С., Чернова И.В. Материальная культура украинского населения Омского Прииртышья (по материалам этнографических экспедиций 2012–2013 года) // Культурологические исследования в Сибири. 2013. № 2. С. 92–97.

Обозненко П.Е. Очерки санитарного состояния селений переселенцев-новоселов Омского уезда Акмолинской области. СПб.: Тип. Я. Трей, 1898. 28 с.

Соколов М.К. Поселки, быт и заболеваемость переселенцев Омского округа. Новосибирск: Изд. сибирского краевого отдела здравоохранения, 1929. 56 с.

Федоров Р.Ю. Адаптация традиционной культуры жизнеобеспечения украинских крестьян-переселенцев на юге Западной Сибири (конец XIX — начало XXI в.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 3 (62). С. 151–159.

Юрченко П.Г. Народное жилище Украины. М.: Изд-во Акад. архитектуры СССР, 1941. 88 с.

ИСТОЧНИКИ

ГИАОО. Ф. Р-1228. Оп. 1. Д. 92. Информация Омского окружного отдела здравоохранения о санитарно-эпидемиологическом состоянии переселенческих населенных пунктов в Омском округе.

ГИАОО. Ф. Р-1228. Оп. 1. Д. 95. Документы (планы, отчеты, докладные записки, справки, удостоверения, ведомости) о состоянии и перспективах медицинского обслуживания переселенцев в Омском округе.

ГИАОО. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 254. Колесников А.Д. «Жилища. Быт новоселов». Статья. Варианты 1, 2. Машинопись.

ГИАОО. Ф. Р-223. Оп. 1. Д. 163. Материалы о строительстве в Омске саманного рабочего городка; списки строителей. Выписки из протоколов, акты, чертежи, переписка.

ГИАОО. Ф. Р-294. Оп. 2. Д. 556. Проект саманного склада кожсырья с верхней деревянной надстройкой в с. Черлак (план, фасад, разрез).

ГИАОО. Ф. Р-294. Оп. 2. Д. 562. Проект удешевленного саманного свинарника «датского» типа на 11 свиноматок для колхозов Омского округа (план, фасад, разрез).

ГИАОО. Ф. Р-1883. Оп. 1. Д. 489. Исполнительная смета на постройку саманного дома для рабочих совхозов Омгубсельтреста.

РГАНТД. Ф. 177. Оп. 2-1. Т. 1. Д. 922. Разработка социально-гигиенических проблем Севера, Сибири и Дальнего Востока в годы Советской власти (заключительный отчет).

Fedorov R.Yu.

Tyumen Scientific Centre SB RAS

Cherishhevskiy trakt st., 13, Tyumen, 625008, Russian Federation

E-mail: r_fedorov@mail.ru

Housing of peasant migrants: evidence from the studies of sanitary and hygienic conditions of settlements in the steppe zone of the Omsk Irtysh Region (1890s–1920s)

This study aims to analyze housing development among peasant migrants residing in the steppe zone of the southern Omsk Region. The research is based on data from three medical expeditions conducted between the 1890s and 1920s, which were dedicated to assessing the sanitary and hygienic conditions of migrant settlements. The analysis shows that local natural resource constraints — particularly the scarcity of timber — exerted a decisive influence on the development of building culture among settlers during the period under review. Although the original building traditions of different migrant groups exhibited significant variation, they adopted similar construc-

tion technologies in a new place. Among these construction techniques, layered earth construction predominated, while adobe construction was only beginning to gain adoption. The building practices of peasant migrants residing in the steppe zone of the southern Omsk Region relied primarily on traditional empirical knowledge and technology. However, the study also identifies a gradual shift in state policy: there was a growing interest in rationalizing rural housing construction and introducing standardized approaches.

Keywords: housing, house-building practices, peasants-migrants, sanitary and hygienic conditions, Omsk region.

Funding. The study was conducted within the framework of the research project of Tyumen Scientific Centre SB RAS no. FWRZ-2026-0031.

REFERENCES

- Anastas'ev, N.M. (1909). Sanitary essays on the life of settlers in the steppe zone of Siberia. *Vestnik obshchestvennoj gigieny, sudebnoj i prakticheskoy mediciny*, October 1909, 1517–1541. (Rus.).
- Aschepkov, E.A. (1950). *Russian folk architecture in Western Siberia*. Moscow: Izd-vo Akad. arkitektury SSSR. (Rus.).
- Blomkvist, E.E. (1956). Peasant buildings of Russians, Ukrainians, and Belarusians. *Vostochnoslavjanskij etnograficheskij sbornik*. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 3–460. (Rus.).
- Fedorov, R.Yu. (2023). Adaptation of the traditional culture of subsistence of the Ukrainian peasant-migrants in the south of Western Siberia (late 19th — early 21st century). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 62(3), 151–159. (Rus.).
- Grechischev, K.M. (1928). *Materials for the Characterization of the Sanitary Condition of the Resettlement Villages in the Siberian Region*. Novosibirsk: Izdanie oblastnogo kraevogo otdela zdravookhraneniya. (Rus.).
- Korovushkin, D.G. (2006). *Essays on the Ethnocultural Adaptation of Late Settlers in Western Siberia*. Novosibirsk: Izd-vo Instituta arheologii i etnografii SO RAN. (Rus.).
- Liskevich, N.A. (2017). The practice of house construction by Komi immigrants in the forest-steppe zone of the Middle Irtysh region (late 19th — early 20th century). *Omskie nauchnye chteniya: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Omsk: Omskij gosudarstvennyj universitet im. F.M. Dostoevskogo, 233–235. (Rus.).
- Majnicheva, A.Yu. (2002). *Architectural and Construction Traditions of the Peasantry in the Northern Part of the Upper Ob Region: Problems of Evolution and Contacts*. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN. (Rus.).
- Novikova, Yu.S., Chernova, I.V. (2013). Material culture of the Ukrainian population of the Omsk region (based on the materials of ethnographic expeditions 2012–2013). *Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri*, (2), 92–97. (Rus.).
- Oboznenko, P.E. (1898). *Essays on the sanitary condition of the settlements of the new settlers in the Omsk district of the Akmola region*. St. Petersburg: Tip. Ya. Trej. (Rus.).
- Sokolov, M.K. (1929). *Villages, everyday life, and diseases among the settlers of the Omsk District*. Novosibirsk: Izdanie sibirskogo kraevogo otdela zdravookhraneniya. (Rus.).
- Yurchenko, P.G. (1941). *People's dwelling of Ukraine*. Moscow: Izd-vo Akad. arkitektury SSSR.
- Zhigunova, M.A. (2004). *Ethnocultural processes and contacts among the Russians of the Middle Irtysh region in the second half of the 20th century*. Omsk: Nauka. (Rus.).
- Zelenin, D.K. (1991). *East-Slavic ethnography*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Zverev, V.A. (1999). Peasant dwellings through the eyes of sanitary doctors and engineers (Novosibirsk Ob region and Baraba, 1920s). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, (2), 87–91. (Rus.).
- Zverev, V.A. (2011). Materials of mass sanitary surveys of settlements, estates, and dwellings in Siberia in the 1920s as a historical and cultural source. In: *Istoricheskie istochniki v issledovatel'skoj i obrazovatel'noj praktike*. Novosibirsk: Novosibirskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 53–71. (Rus.).
- Zverev, V.A. (2012). Living conditions of Siberians and immigrants in the 1920s (based on mass sanitary surveys). *Prepodavanie istorii i obshchestvoznaniya v shkole*, (8), 13–22. (Rus.).

Федоров Р.Ю., <https://orcid.org/0000-0002-3658-746X>

Сведения об авторе: Федоров Роман Юрьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень.

About the author: Fedorov, R.Yu., Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen.



This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Received 01.10.2025

Accepted 18.12.2025

Article is published: 15.03.2026